

Аргентинские путешественники-пилигримы в Страну Советов: открытие Нового мира в Старом Свете

© Щелчков А.А., 2026

Щелчков Андрей Аркадьевич, д-р исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

119334, Москва, Ленинский проспект, 32а

ORCID: 0000-0002-7780-781X

E-mail: sch2000@mail.ru

Аннотация. Интерес латиноамериканской общественности к Русской революции и Стране Советов привел к появлению многочисленной литературы путешествий в СССР — как переводной, так и созданной своими писателями, журналистами и общественными деятелями, совершившими поездки в далекую страну, что всегда было сопряжено с немалыми трудностями. Эта литература об СССР составляла важную часть политического и гуманитарного влияния «новой России» на латиноамериканские общества. Аргентина была одной из самых передовых стран континента, ее культурным центром, а потому именно из этой страны в межвоенный период было более всего «путешествующих» в СССР. В статье рассматриваются произведения побывавших в России аргентинских авторов и анализируется, насколько оригинальным, непредвзятым и откровенным был их взгляд на советскую действительность 1920–1930-х годов XX в., в какой мере их оптика отражала реальность, а в какой — ожидания и представления о том, что они надеялись увидеть. Важно понять не столько степень объективности наблюдателя, сколько отражение того, как советская действительность преломлялась в его образах и представлениях, сформированных в иной национальной и культурной среде, а также насколько политическая пристрастность могла влиять на достоверность этих очерков. Данная работа впервые в отечественной историографии предлагает подобный анализ и вводит в научный оборот документы российских архивов, относящиеся к рассматриваемой теме.

Ключевые слова: Аргентина, путешествия, коммунисты, ВОКС, десятилетие Октября

Для цитирования: Щелчков А.А. (2026) Аргентинские путешественники-пилигримы в Страну Советов: открытие Нового мира в Старом Свете. *Ибероамериканские тетради*. № 2. С. 90–112. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-2-90-112

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Peregrinos argentinos en la Tierra de los Sóviets: el descubrimiento de un Nuevo Mundo en el Viejo Continente

© Schelchkov A.A., 2026

Andrey A. Schelchkov, Doctor en Ciencias Históricas, investigador jefe del Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia.

119334, Rusia, Moscú, Leninsky prospect, 32a

ORCID: 0000-0002-7780-781X

E-mail: sch2000@mail.ru

Resumen. El interés de la opinión pública latinoamericana por la Revolución Rusa y el país de los Sóviets propició la aparición de una amplia literatura de viajes a la URSS, tanto traducida como escrita por autores latinoamericanos — escritores, periodistas y figuras públicas — que emprendieron el viaje a un país lejano, siempre asociado a considerables dificultades. Esta literatura sobre la URSS constituyó una parte importante de la influencia política y humanitaria de la «nueva Rusia» en las sociedades latinoamericanas. Argentina, uno de los países más desarrollados del continente y un relevante centro cultural de América Latina, fue en el periodo de entreguerras el país del que procedió el mayor número de «viajeros» a la Unión Soviética. El artículo examina las obras de los autores argentinos que visitaron Rusia y analiza hasta qué punto se visión de la realidad soviética de las décadas de 1920 y 1930 fue original, imparcial y franca; en qué medida su óptica reflejaba la realidad observada o, por el contrario, las expectativas y representaciones de aquello que esperaban encontrar. Más que determinar el grado de objetividad del observador, resulta fundamental comprender cómo la realidad soviética se refractaba en sus ideas e imágenes formadas en un contexto nacional y cultural distinto, así como hasta qué punto la parcialidad política podía afectar la credibilidad de estos textos. El presente trabajo ofrece por primera vez en la historiografía rusa un análisis de este tipo e incorpora al debate académico documentos de archivos rusos relacionados con este tema.

Palabras clave: Argentina, viajes, comunistas, VOKS, Décimo Aniversario de la Revolución de Octubre

Para citar: Schelchkov A.A. (2026) Peregrinos argentinos en la Tierra de los Sóviets: el descubrimiento de un Nuevo Mundo en el Viejo Continente, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 2, pp. 90–112. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-2-90-112

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Argentine Pilgrim-Travelers in the Land of the Soviets: Discovering a New World in the Old One

© Schelchkov A.A., 2026

Andrey A. Schelchkov, Dr. of History, Chief Research Fellow at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
119334, Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32a
ORCID: 0000-0002-7780-781X E-mail: sch2000@mail.ru

Abstract. The interest of Latin American public opinion in the Russian Revolution and the Land of the Soviets gave rise to a substantial body of travel writing about the USSR, both translated and created by Latin American authors themselves, —writers, journalists and public figures who undertook journeys to a distant country, which was always fraught with considerable difficulties. This literature on the USSR formed an important part of the political and humanitarian influence exerted by «new Russia» on Latin American societies. Argentina, one of the most developed countries of the continent and a major cultural center, produced the largest number of «travelers» to the Soviet Union during the interwar period. The article examines the works of Argentine authors who visited Russia and analyzes the extent to which their view of Soviet reality in the 1920s and 1930s was original, unbiased and frank; it also considers whether their perspective reflected reality itself or rather their expectations and preconceived ideas about what they hoped to see. The central issue is not so much the observer's degree of objectivity as the way Soviet reality was refracted through images and representations shaped by a different national and cultural environment, and the extent to which political bias could affect the credibility of these travel accounts. For the first time in Russian historiography, this study offers such an analysis and introduces into scholarly circulation documents from Russian archives related to the subject.

Key words: Argentina, travel, communists, VOKS, Tenth Anniversary of the October Revolution

For citation: Schelchkov A.A. (2026) Argentine Pilgrim-Travelers in the Land of the Soviets: Discovering a New World in the Old One, *Iberoamerican Papers*, no. 2, pp. 90–112. DOI: 10.46272/2409-3416-2026-14-2-90-112

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Российская революция была одним из самых важных событий XX в. Она провозгласила создание нового общественного строя, претендовавшего на будущее всего человечества. СССР стал страной, где для сторонников этой идеи будущее становилось реальностью. В этой перспективе поездка в Советскую страну представлялась как приобщение к будущему. Пересечь пространство, а в случае с Америкой — пересечь океан означало преодолеть время. Путешествия, поездки в страну социализма стали своего рода религиозным актом для убежденных коммунистов и вызовом, в том числе и мировоззренческим, для просто симпатизирующих или любопытствующих, всё еще принадлежавших «старому миру». Они хотели своими глазами увидеть реальность и убедиться в том, что такое будущее несет счастье и свободу, создает нового человека. Особый интерес прикоснуться «своими руками» к новому зданию человечества был у представителей интеллектуальных кругов, писателей, журналистов, молодежи.

Автор данной статьи исходит из предположения, что очерки, тексты описания путешествий в страну, переживавшую пору невиданных и ни с чем не сравнимых трансформаций, отражают не только впечатление и образ, которые в наибольшей степени определяются предыдущим опытом, убеждениями или предубеждениями путешественников, но и изменение их психологических и интеллектуальных конструкций под влиянием увиденного и пережитого. Методологически в самом широком смысле мы придерживаемся марксистского метода, но и опираемся на предлагаемые исследователями подобных сюжетов подходы к данной проблематике, в частности, на труды М.Л. Пратт, С. Саитта, Х. Монтелеоне, О. Таркуса, Б. Сарло [Pratt, 2010; Monteleone, 1998; Sarlo, 2003; Saïtta, 2007ab; Tarcus, 2017].

Интерес к практически забытым текстам о посещениях Советской России в первые годы существования Советского государства возродился в Аргентине в канун юбилеев российской революции. В результате аргентинскими исследователями Сильвией Саитта и Орасио Таркусом были переизданы (чаще всего отрывками) некоторые труды путешественников [Saïtta, 2007a; Tarcus, 2017]. У нас в стране, к сожалению, данная тема частично, но весьма кратко была затронута лишь в работе В.Ф. Молчанова [Молчанов, 1983]. В нашей статье мы стремимся заполнить данную лакуну отечественной историографии, кроме того, впервые в научный оборот вводятся документы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) из Государственного архива Российской Федерации.

В данной статье мы сконцентрируемся на личных впечатлениях от посещений Страны Советов аргентинских авторов, побывавших в России в 20–30-е годы прошлого века и оставивших литературное свидетельство об этом, ибо, как писал аргентинский историк Хорхе Монтелеоне, «без рассказа о путешествии его самого как бы не было». При этом «в любом путешествии реальное и воображаемое, материя, время и пространство

вступают во взаимозависимость» [Monteleone, 1998: 14]. В качестве метафоры уместно вспомнить принципы квантовой физики, согласно которой без наблюдателя нет и события, что подчеркивает важность данной тематики не для того, чтобы критиковать наблюдателя за поверхностность или, напротив, хвалить за внимательность и проявленное им понимание, а для того, чтобы представить себе, как образ Советской России в качестве «образа иного» привносился через печатные тексты, прессу, толстые журналы в общественное «коллективное воображаемое».

* * *

При анализе работ путешественников важное место занимает интерпретация виденного или услышанного: насколько оригинален авторский взгляд, каковы те «волшебные очки», которые позволяли ему вникнуть в суть происходившего, а не только описывать поверхностную видимость. Каждый автор был творцом реальности, которая ему представлялась в чужой стране. Можно было многое не увидеть, но можно было многое не захотеть увидеть. Причины и побудительные мотивы той или иной позиции делают столь же разнообразными свидетельства побывавших в СССР в первые годы существования Советской страны, когда такие визиты оставались единичными, как путешествия в Новый мир после его открытия.

Следует заметить, что наблюдаются две волны интереса к Советской России, выраженные в публикациях иностранцев о событиях в стране. Первая относится к периоду самой революции и гражданской войны, когда появляется наибольшее количество различных текстов, книг о революции, однако чаще всего не принадлежавших перу непосредственных свидетелей. Большая часть реальных свидетельств «путешественников», если так можно назвать людей, решавшихся предпринять поездку в страну, погруженную в пучину внутренней войны, принадлежит энтузиастам и сторонникам революции, чаще всего коммунистам, стремившимся установить прямой контакт с Коминтерном. Первыми путешественниками были партийные деятели, их было немало, и многие направлялись в Россию подпольно, не афишируя своих поездок. Деятель Коминтерна и компартии Мигель Контерас, побывавший в Советской России в 1924 г., вспоминал: «Тогда было трудно туда попасть, еще мало кто ездил туда, и в то же время был огромный интерес к тому, что происходит в первой стране социализма»¹.

Вторая волна интереса приходится на конец 1920-х – начало 1930-х гг., и первым толчком к нему стало десятилетие Октябрьской революции, широко отмечавшееся в СССР. Также это было время первых пятилеток и мирового экономического кризиса 1929 г., способствовавших повышению внимания к советской социально-экономической модели. Именно в то время

¹ Contreras M. Memorias. Buenos Aires. Testimonios. 1978. P. 62.

появляется вал публикаций об СССР не только левых, симпатизировавших коммунистам авторов, часто лично побывавших в России, но и оппонентов социалистического проекта.

Поездки многих путешественников были организованы ВОКС, который был заинтересован в появлении по их возвращении на родину позитивных лекций, очерков, статей в газетах или книг о Советском Союзе [Щелчков, 2025: 94–105]. В 1927 г. ВОКС участвовал в масштабных мероприятиях X юбилея революции, на празднование которого в Москву была приглашена делегация латиноамериканцев — «друзей СССР» [Хейфец, Хейфец, 2014].

Для аргентинцев Россия представляла собой загадочный и манящий образ некоего будущего, которого следует либо страстно желать, либо опасаться. Беатрис Сарло так писала о популярности России и всего русского в Буэнос-Айресе в 1920-е годы: «Российская революция и Советы представляли собой принцип радикальных изменений, привлекательность которых состояла в эпическом размахе их свершений, в быстроте, с которой происходили изменения в стране, в молодости ее руководителей, в новом духе, который она несла миру... Российская революция была новой культурой» [Sarlo, 2003: 122]. Этот интерес не мог не вылиться в появление многочисленной литературы о Советской России. Значительное место в этой литературе занимали очерки и книги путешественников.

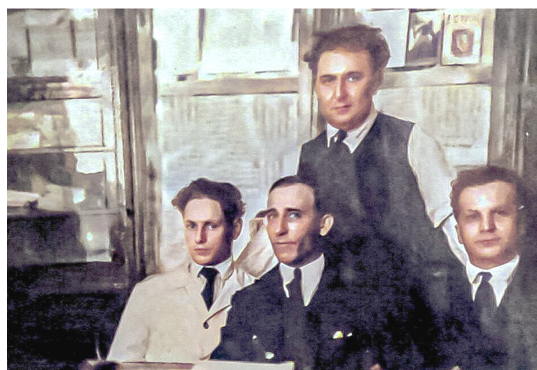
Михаил Комин-Александровский², эмигрант из России, давно живший в Аргентине, был первым посланцем этой южноамериканской страны, оставившим заметки о своем путешествии в страну, еще находившуюся в состоянии гражданской войны. В 1921 г. в Аргентине вышли его очерки о поездке в Советскую Россию [Tarcus, 2017: 32]. Комин был ярким сторонником большевизма, с энтузиазмом воспринимал все революционные изменения в России. Он описывал новые коммунальные квартиры рабочих в бывших апартаментах буржуазии, общественные столовые и библиотеки как явные признаки новой коллективистской жизни, с восторгом подчеркивал, что все обращались друг к другу словом «товарищ», а слово «господин» исчезло из словаря советских граждан [Tarcus, 2017: 34]. Именно эта эмоциональная атмосфера позволяла Комину не видеть ничего, что реально омрачало жизнь людей.

Если в экономике было мало поводов для восхваления режима, что могло бы тронуть аргентинских читателей, то культурная жизнь Москвы представляла собой оазис обновления. Театры, выставки, самодеятельность,

² Михаил Алексеевич Комин-Александровский (1884–1968) — русский революционер, типографский рабочий. Член РСДРП с 1900 г. Был членом боевой дружины в Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Сормове. В 1908 году заочно осужден на вечное поселение в Сибирь. В 1909 году нелегально выехал за границу. В 1909–1920 годы, работая в Аргентине металлистом-механиком, участвовал в социалистическом движении. В 1920 году — делегат II Конгресса Коминтерна от федерации рабочих организаций Южной Америки. Вернувшись в 1922 году в СССР, был на партийной и хозяйственной работе. Делегат XXII съезда КПСС (1961) — *Примеч. ред.*

различные художественные эксперименты создавали атмосферу надежды и «светлого будущего». Москва была представлена городом нового порядка и быта, преодолевшим пороки капитализма [Tarcus, 2017: 35].

Тогда же, в 1921 г., в России побывал лидер аргентинских коммунистов Родольфо Гиольди³ (Rodolfo Ghioldi, 1897–1985). Для партийных «путешественников» свидетельство об увиденном не могло вступать в противоречие с заранее сформированной идеей верности коммунизму и картине справедливости. В заметках Гиольди не присутствуют описания проблем молодой Советской республики, разруха и социальная деградация городской жизни (в том же Петрограде, где он был), о чем свидетельствовали многие авторы того времени. Аргентинский коммунист концентрировался на тех сюжетах, которые могли взволновать и завоевать новых сторонников. Так, большое впечатление на него произвели русские борцы за женское равноправие, прежде всего Александра Коллонтай [Tarcus, 2017: 66]. Советская Россия действительно предлагала радикальное и од-

Родольфо Гиольди (второй справа), 1921 г.

нозначное решение этого вопроса, к чему даже левые политики в Латинской Америке подойдут только через несколько десятилетий.

Не только коммунисты, отправлявшиеся в Россию «по делам», но и другие левые деятели, многие из которых не были полностью убежденными сторонниками большевистского проекта, оставили свои заметки об опыте поездки. Например, аргентинский анархо-синдикалист Аугусто Пеллегрини побы-

Коллектив Московского мюзик-холла на демонстрации. 1920-е гг.

³ Родольфо Гиольди — один из основателей Коммунистической партии Аргентины, член Исполкома Коминтерна с 1928 по 1943 г. — *Примеч. ред.*

о природе восстания в Кронштадте⁴, был сторонником стихийных народных движений, а партийная бюрократия и диктатура, даже пролетарская, вызывали в нем протест. Из России он вернулся еще более убежденным противником бюрократии и ее правления в «рабочем государстве», а большевистский Коминтерн и Советы произвели на него впечатление «мертвящей несвободы». Зато, посещая заводы, рабочие профсоюзы, Пеллегрини чувствовал себя счастливым, лишь отмечая, что по возвращении в гостиницу у него сильно болели руки от бесконечных твердых рукопожатий сотен рабочих. Другое забавное наблюдение аргентинского анархиста: повсюду поют хором — на улицах, на площадях, в колоннах, все бесконечно поют революционные песни... [Tarcus, 2017: 97–100]

Пеллегрини отмечал благотворное воздействие НЭПа на экономику страны: Петроград полностью ожил — торговля, транспорт, гуляющие толпы людей, общее настроение подъема, — но не был абсолютно оптимистичен в оценке поддержки режима со стороны пролетариата. По его словам, он встречал немало рабочих, с возмущением говоривших о глупости, догматизме новой диктатуры, «советской тирании». И он задавался вопросом, действительно ли закончилось неравенство с победой революции? [Tarcus, 2017: 101–102].

* * *

Десятилетие революции в 1927 г. положило начало активизации деятельности ВОКС в Латинской Америке. В СССР стали всё чаще приезжать латиноамериканские интеллектуалы, писатели, журналисты, ученые, многие по приглашению ВОКС. Одним из последствий этих посещений было появление обширной «литературы путешествий», популяризирующих новую советскую реальность и советскую модель социализма.

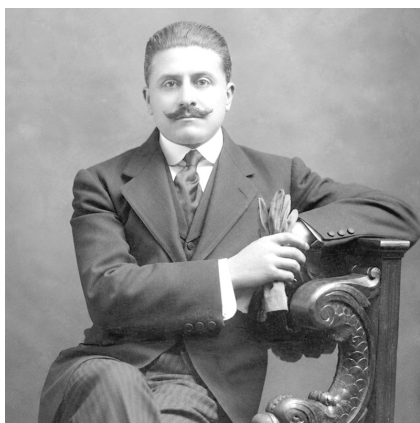
Среди латиноамериканцев, приглашенных в СССР на юбилей революции, следует отметить видного аргентинского публициста Мануэля Угарте⁵. Он был близок к русской левой иммиграции в Париже еще до революции. Среди его друзей — Анжелика Балабанова⁶, симпатизировал он скорее Плеханову, не большевикам. Именно на Плеханова Угарте ориентировался в своих суждениях о русской революции и Октябрьском перевороте [Ugarte, 1978: 314]. И все же его нельзя назвать противником советского проекта, так как он считал, что особенности страны во многом объясняют эксцессы революции. Когда его пригласили в 1927 г. в Россию по линии ВОКС, он отправился туда в надежде увидеть всё своими глазами.

⁴ Кронштадтский мятеж — вооружённое выступление 28 февраля – 18 марта 1921 г. гарнизона крепости Кронштадт, экипажей кораблей Балтийского флота. — *Примеч. ред.*

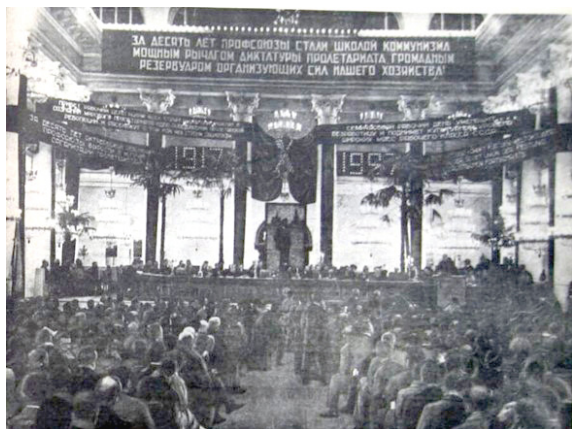
⁵ Мануэль Бальдомеро Угарте (1875 — 1951) — аргентинский писатель, публицист, один из ведущих левых идеологов, выступал за латиноамериканское единство. — *Примеч. ред.*

⁶ Анжелика Исааковна Балабанова (1877–1965) — российская и итальянская социалистка. — *Примеч. ред.*

Именно в Москве Угарте, уже будучи знакомым ранее, по-настоящему сдружился с А. Барбюсом. Там же он познакомился с Диего Риверой. Все они жили в одной гостинице. С большим сарказмом Угарте вспоминал свой с Барбюсом визит в НКВД к Чичерину. На его предположение, что со временем Советы восстановят свободу прессы, Чичерин расхохотался, заявив, что такой свободы нет нигде. В ответ Барбюс слегка улыбнулся. Для Угарте, полного симпатий к русскому эксперименту, это был «приговор большевистскому режиму» [Ugarde, 1978: 312]. В то же время Угарте считал, что Российская революция была «грандиозным, но исключительно национальным явлением, а для Латинской Америки её опыт был малозначим» [Ugarde, 2010: 128].

Мануэль Угарте

Конгресс друзей СССР. 1927 г.

На юбилей революции гостей также приглашал Профинтерн. Одним из членов аргентинской делегации был рабочий Абрам Ресник (Резник). Он увлекался театром, посетил огромное число постановок. Так как он происходил из семьи российских евреев, то обходился без переводчика. Увиденное и пережитое им в России художественное потрясение от разнообразия культурной жизни, удивлявшей всех своим революционным, обновленческим пафосом, легло в основу опубликованной в 1929 г. книги «Советский театр». Предисловие к этому театроведческому и политическому исследованию написал тогда еще начинающий, а в будущем признанный писатель-коммунист Альваро Юнке. Книгу Ресника можно было бы назвать очерком русской «театральной революции». В предисловии Юнке отметил: «Россия — огромная лаборатория всего нового и необычного, в том числе и в области театра, а Ресник имел возможность всё это видеть собственными глазами и описал свои впечатления, столь ценные для аргентинского читателя»⁷.

⁷ Resnik A. Teatro soviético. Buenos Aires. Plus Ultra. 1929. P. 5.

Ресник выбрал театр как явление, полностью характеризующее те трансформации в социальной жизни и культуре, которые происходили в стране строящегося социализма. Он писал: «Современный советский театр представляет уникальную картину для иностранца, посещающего Россию после революции, страстно желающего понять те изменения, которые затронули все отношения в стране и проявляющиеся в искусстве и литературе»⁸.

Ресник с удовлетворением и радостью отмечал переполненные залы всех московских театров и их доступность по цене билетов для широкой публики. Самое большое впечатление на него произвели театральные постановки Мейерхольда, которые он называл не иначе как революционные и воспитывающие новое художественное чувство⁹. Если стилистика Мейерхольда поражала, удивляла, приводила в восхищение, то содержательно наибольший интерес вызвали мхатовские постановки, в частности пьеса Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69». Ресник подробно описал фабулу, привел диалоги и разобрал режиссуру спектакля¹⁰.

Труд Ресника вызвал большой интерес среди аргентинской интеллигенции, всегда внимательно следившей за новинками русской литературы и театра. Завершала его работу подборка заметок и статей в аргентинских газетах о русской революции под общим названием «Рабочая Россия».

В 1920-е годы СССР, не имея, за исключением Мексики, дипломатических отношений со странами Америки, создавал торговые представительства, выполнявшие функцию официальной миссии. В Аргентине был создан Южамторг. Во главе него стоял Борис Краевский. Одной из задач Краевского была деятельность по продвижению благоприятного образа Советской России в Аргентине. С этой целью он привлекал к сотрудничеству левонастроенных журналистов, получавших от него материалы для публикации в аргентинской прессе, которые они адаптировали к местным вкусам и настроениям¹¹. В этой группе был журналист влиятельной газеты «Crítica» Лев (Леон) Рудницкий, имевший российское происхождение и эмигрировавший в Буэнос-Айрес после поражения первой русской революции 1905 г. Краевский включил Рудницкого в делегацию на празднование 10-летия революции в Москве как корреспондента этой газеты [Saítta, 2007a: 32].

Запись впечатлений от поездки в СССР у всех авторов содержит пассаж о пересечении границы «нового мира» как о чем-то потрясшем их психологически, как об очень эмоциональном событии. Пересечение границы — это встреча с радикально новым, абсолютно неизведанным и запоминающимся, ибо ничто другое так подробно ими не описывалось [Saítta, 2007a: 21–22]. Рудницкий немало места посвятил этому событию, снабдив

⁸ Resnik A. Teatro soviético... P. 9.

⁹ Ibid. P. 11–12.

¹⁰ Ibid. P. 30–34.

¹¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 97. Л. 32

свой рассказ иронией, элементами ужаса и гротеска. «Пугающие сцены», однако, вызывали лишь улыбку [Rudnitzky, 2007: 63–70]. По возвращении он опубликовал свои впечатления в нескольких номерах «Crítica» с 18 мая по 8 июня 1928 г. В этих заметках «друга СССР» новая система описывается как огромное всемирное достижение. Рудницкий предрекал стране статус великой державы, имевшей универсальную, всеобщую, наднациональную проекцию [Rudnitzky, 2007: 59]. Рассказ журналиста концентрируется на тех изменениях, которые произошли в стране по сравнению с его воспоминаниями царского периода: гигиена и чистота улиц, общественные заведения и транспорт, порядок и урегулированность жизни. Он заключал свой очерк так: «Можно соглашаться или нет с идеалами, которые исповедуют русские большевики, но ни у кого нет права смотреть на них свысока после всего того героизма, личного отречения, настойчивости, с которыми они осуществляют их на практике, за их веру в то, что они несут новый смысл справедливости человечеству... Улучшилась жизнь рабочих, русская женщина была освобождена от позорного гнета, особенно среди некоторых народностей, татар, кавказцев или среднеазиатов... Было создано единое государство, в котором трудящийся человек, рабочий или интеллигент, в общественной жизни имеет больше прав, чем родившийся в привилегированной семье или просто богат» [Rudnitzky, 2007: 81]. Рудницкий в финале своего труда обращался с призывом ко «всем людям доброй воли» отбросить предрассудки и несогласия с большевиками и делать всё возможное, чтобы заставить свои власти установить нормальные отношения с этой великой страной [Rudnitzky, 2007: 82].

* * *

Большинство аргентинцев, посетивших СССР и написавших затем книги и статьи об этом, не были коммунистами. Среди них было немало анархистов, предвзято относившихся ко всем государственным проектам. Помимо уже упомянутого анархиста Ресника, в СССР в 1929 г. побывал представитель анархистского Аргентинского либертарного альянса (Alianza Libertaria Argentina) Хосе Видаль Мата (José Vidal Mata, 1890–1960). Он был одним из лидеров аграрного движения в Аргентине, принадлежал к так называемым «анархо-большевикам», поддержавшим большевистскую революцию и диктатуру пролетариата, за что другие анархисты их называли «анархо-диктаторами». Был автором работ по аграрному вопросу в Аргентине [Tarcus, 2007: 691–692].

Хосе Видаль Мата прибыл в Советский Союз по приглашению Профинтерна. После этой поездки он опубликовал в 1930 г. объемную книгу «Правда о России», с большим количеством фотографий. Помимо общих мест, мало отличимых от других заметок «путешествующих» в Страну Советов, есть неожиданные для анархиста пассажи. Целая глава была посвящена разоблачению Нестора Махно как контрреволюционера и предателя.

Он писал: «Мы, альянсисты (то есть члены Аргентинского либертарного альянса), осуждаем махновщину. Во время вооруженной борьбы против капитализма мы считаем, что махновщина является предательством, врагом эксплуатируемых классов, разделяющим общий фронт борьбы пролетариата. Махновщина не только расколола революционный фронт, но и привела к худшему – убивала, разрушала, запутывала и предавала... Мы, альянсисты,

Хосе Видаль Мата

защищаем Советский Союз, так как он является результатом социальной революции. Русская революция — это наша революция»¹². При этом отмечалось, что эта позиция не распространяется на московское большевистское правительство, но СССР — продукт революции, и любой революционер обязан ее защищать.

Видаль Мата писал и о проблеме «преследования анархистов в СССР». С помощью переводчиков из Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) он смог найти местных анархистов. Это были «простые труженики, поддерживающие советскую власть». Не мог он не упомянуть и об анархистах, получивших убежище в СССР по линии Международной организации помощи борцам революции, и даже рассказал поучительную историю «неблагодарных итальянских анархистов», которые отказались трудиться на московских фабриках в качестве рабочих и предпочли уехать в Европу, где были арестованы и казнены. По его словам, ситуация с анархистами-ортодоксами в СССР была далека от идеальной, но вина за это лежала на западном анархизме. Вывод был парадоксален: «Нет ничего удивительного, что ситуация с анархистами-пуританами ухудшается в России по мере усиления нападков зарубежных анархистов на СССР»¹³. Эти анархисты, заключает Видаль, в своей борьбе с СССР становятся союзниками буржуазии.

Большое впечатление на него, как и на многих других «путешествующих», произвели советские политические мероприятия, такие как, например, Первомайские парад и демонстрация. Особо обращали на себя его внимание антитроцкистские лозунги. А вот антирелигиозные акты, снятие колоколов в церквях вызывали полное одобрение анархиста. Особенно порадовала его история о том, как в одной деревне на сборе селян было решено продать колокол в металлолом для покупки книг для избы-читальни¹⁴.

¹² Vidal Mata J. La verdad sobre Rusia. Buenos Aires. Alianza Libertaria Argentina. 1930. P. 99.

¹³ Vidal Mata J. La verdad sobre Rusia... P. 267.

¹⁴ Ibid. P. 166–169.

Советские товарищи пригласили аргентинского анархиста, известного как раз своей работой среди аграрного пролетариата Аргентины, посетить сельскую местность, оценить процесс коллективизации и работу совхозов. Он присутствовал на собраниях крестьян, в книге приведены речи выступавших¹⁵. И конечно, восторженных слов удостоились советские меры по борьбе с туберкулезом, вся система медицины, гигиены и профилактики, что представлялось новым, революционным подходом к здравоохранению¹⁶.

* * *

Среди знаменитых аргентинских деятелей культуры, побывавших в СССР в те годы и оставивших свои очерки о путешествии, выделяется поэт и писатель Элиас Кастельнуово (Elías Castelnuovo, 1893–1982). По рождению он был уругвайцем, но жил в Аргентине, и его творения принадлежат аргентинской культуре. В начале 1930-х гг. он входил в группу, создавшую левый влиятельный литературный журнал *Actualidad*. Эти же люди образовали недолговечный Союз пролетарских писателей, которым руководили Э. Кастельнуово и другой выдающийся писатель – Р. Арльт. Этот Союз появился под впечатлением от деятельности Российской ассоциации пролетарских писателей¹⁷ (РАПП) [Petra, 2017: 53]. Первостепенной задачей нового объединения объявлялась «защита Советского Союза»¹⁸.

Кастельнуово преклонялся перед русской литературой, прежде всего восхищался Достоевским, с восторгом принял русскую революцию, которой посвящал свои стихи. За страсть к революционной России, по ироничному слову Х.Л. Борхеса, его называли «Федором Элиеффовичем Кастельнуоффом», что должно было звучать очень по-русски¹⁹. Он был одной из ключевых фигур культурного движения «группы Boedo» (по названию одного из районов Буэнос-Айреса), представлявшей модернистское, авангардистское художественное течение, ориентирующееся на левых, на социалистическую общественную перспективу. Оно противостояло «группе Florida» (по названию одной из центральных улиц столицы), предлагавшей иной тип модернизма, более ориентированного на правый национализм.

Кастельнуово не был политическим активистом, а его симпатии и увлечения часто менялись. В конце 1920-х – начале 1930-х годов он эволюционировал от анархизма к коммунизму под обаянием советского проекта.

¹⁵ Ibid. P. 199–203.

¹⁶ Ibid. P. 233–235.

¹⁷ Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) — литературное объединение, существовавшее в СССР в 1925—1932 годах. РАПП выступала за создание исключительно пролетарской литературы, подчиненной задачам классовой борьбы и социалистического строительства.

¹⁸ Castelnuovo E. Yo ví...! en Rusia (impresiones de un viaje a través de la tierra de los trabajadores). Buenos Aires. Actualidad. 1932. P. 45.

¹⁹ Melgar Bao R. El exiliado boliviano Tristán Marof: tejiendo redes, identidades y claves de autoctonía política, Pacarina del Sur. 2012. № 12 (accessed: 09.04.2026).

В 1927–1928 гг., будучи по духу «стихийным» анархистом, симпатизирующим компартии, он возглавлял издание журнала «Izquierda». В дальнейшем он отошел от компартии, в которую так и не вступил, и сблизился с перонистами, всегда оставаясь при этом на левом политическом фланге. [Eipper, 1995: 22].

Кастельнуово отправился в СССР в 1931 г. Как он сам заявлял, поехал туда, не будучи ни врагом, ни другом коммунистов и их проекта²⁰. Он утверждал, что не собирался писать книгу об этом путешествии, но под впечатлением от поездки написал ее. Страницы книги полны живых сцен общения с простыми людьми, с представителями интеллигенции, с общественными деятелями. Общее впечатление, которое он вынес из общения, состоит в полной поддержке советской власти всем народом. О многих деталях поездки он умолчал, а некоторые изложенные в книге факты не совпадали с теми, что он же поведал многие десятилетия спустя в своих мемуарах. Беатрис Сарло так резюмировала мотивы его поездки: «Кастельнуово увидит то, что сам заранее предвидит: социальную, политическую и моральную лабораторию, где бедные, рабочие и художники занимают позиции, кото-

рые им предназначало капиталистическое общество. Но там он обнаружил различия систем, а затем увидел подтверждение своего предчувствия: будущее уже здесь сегодня, историческое время ускорилося, Россия переходит от одного этапа цивилизации к другому в осязаемое время пятилетки» [Sarlo, 2003: 125].

Элиас Кастельнуово

Кастельнуово дружил с видным врачом из Росарио Лелио Сено, с которым разделял политические взгляды. В 1919 г. они возглавляли анархистскую газету Prometeo [Eipper, 1995: 23]. Сено состоял в дружеской переписке с директором Института Склифосовского в Москве С. Юдиным, который стал инициатором его поездки в Россию. Сено пригласил Кастельнуово отправиться в Россию вместе с ним. С собой они позвали Роберто Арльта, который, убоявшись политических

последствий этого путешествия (в Аргентине только что произошел правый военный переворот Урибуру²¹, и репрессии против всех левых сил были беспрецедентными), отказался. Тогда к ним присоединился профессор Хорхе

²⁰ Castelnuovo E. Yo ví...! en Rusia... P. 11.

²¹ Правый военный переворот под руководством генерала Хосе Феликса Урибуру произошел в Аргентине 6 сентября 1930 года. Этот переворот сверг демократически избранного президента Иполито Иригойена, ознаменовав конец демократического периода и начало «Бесславного десятилетия» (1930–1943). — *Примеч. ред.*

Федерико Николаи, немец по происхождению, когда-то в 1918 г. бывший «спартаковцем». Провожать их пароход пришли только трое – все выдающиеся писатели и интеллектуалы, все близкие или состоящие в компартии: Анибаль Понсе, Эрминия Брумана, Роберто Арльт²². Пока в Берлине «путешественники» ожидали советские визы, они посетили многие европейские страны. Благодаря своим спутникам Кастаньюово познакомился с такими выдающимися людьми, как Альберт Эйнштейн, Леонард Франк, Катя Кёллвитц.

Из Германии в Россию Кастаньюово ехал поездом, отдельно от своих друзей, которые отправились в Ленинград морем. Из его книги о поездке мы вообще ничего не узнаем о том, как и с кем он отправился в Россию. Казалось, что это было его личным подвижничеством. В своих же мемуарах он пишет, что, когда в Ленинград прибыли его друзья, поменялся весь план визита — теперь они в основном посещали медицинские учреждения, начиная с павловского института. В книге путешествия об этом нет ни слова, если исключить ту часть, где он описывает беседы о кремации и прочем. Затем друзья отправились в Москву, а он остался в Ленинграде.

В Ленинграде Кастаньюово попал в круг людей, увлеченных испанским языком и испаноамериканской культурой. Речь идет об Иberoамериканской секции ВОКС, которая и помогла решить некоторые бытовые проблемы (для путешествующего иностранца СССР был дорогим местом), предоставив ему место в общежитии и обеспечив питанием. ВОКС считал Кастаньюово своим перспективным контактом в Аргентине, а кроме того, писатель формально представлял старейшую и самую влиятельную газету Аргентины *La Nación* (перед отъездом в Советский Союз друзья-журналисты обеспечили его соответствующими документами).

«Лидером» испанистов в Ленинграде был Виктор Серж (Кибальчич), который говорил на испанском (причем в его аргентинском варианте). Однако он принадлежал к левой оппозиции, и некоторые русские друзья предостерегали Кастаньюово от доверия Сержу²³. Это отразилось на его книге, где ни разу не упомянут этот видный представитель не только русского, но европейского и латиноамериканского левого движения. Об этих важных беседах мы узнаем только из его мемуаров²⁴.

Там же Кастаньюово кратко описывает свою встречу с сестрой Троцкого О.Д. Каменевой в Ленинграде, что мало возможно, так как с 1929 г. она покинула ВОКС. Видимо, с ним общался другой представитель общества. Как бы там ни было, писатель сообщает, что Каменева предложила ему на выбор (!) встретиться со Сталиным или с Горьким, и он предпочел второго.

²² Castelnuevo E. Memorias. Buenos Aires. Ediciones culturales argentinas. 1974. P. 151.

²³ Castelnuevo E. Memorias... P. 172.

²⁴ Ibid. P. 166.

Однако якобы Горький был в плохом состоянии, и он видел писателя только издали в его доме²⁵. Скорее всего, это поздние фантазии Кастельнуово. Более того, в книге о поездке в Россию он пишет о другой предложенной ему альтернативе: поехать на завод к рабочим или встретиться с Горьким, и, мол, он выбрал завод, где «была реальная жизнь»²⁶. Кроме того, в Москве с ним провели ряд бесед о создании общества друзей СССР и мобилизации творческой интеллигенции в поддержку СССР.

Кастельнуово в момент написания книги о поездке был очень близок к компартии, возможно, это обусловило умолчание в ней о многих тонких моментах, в частности, о знакомстве с троцкистом Сержем.

Друзья по поездке Николай и Сено не были политически безупречны. Советские газеты называли Николаи «мелкобуржуазным» деятелем, так как он позиционировал себя толстовцем и анархистом (хотя его авторитет был очень высок благодаря биографии, написанной Роменом Ролланом). Доктор Сено остался работать в Москве, в Институте Склифосовского, став светилом травматологии. Он проработал там полтора года, а затем вернулся в Аргентину, где написал книгу о советской медицине, изданную также в Чили. Вскоре его снова потянуло в Москву, где в 1936 г. с ним встретился чилийский врач, коммунист Рамон Миранда²⁷.

Также только из мемуаров мы узнаем, что Кастельнуово познакомился с писателями Л. Леоновым, В. Катаевым, Б. Лавреневым²⁸. Для поэта, русофила и поклонника русской литературы, представляется странным не упомянуть эти встречи и содержание бесед в книге о поездке. Тем не менее культура и ее роль в советском обществе были волнующей автора темой. Б. Сарло отмечала по этому поводу: «Революция — это рай для культуры, когда для её участников осуществляется интеллектуальная утопия, отмечая особое место культуре в обществе... Революция, принимаемая вне политики, представляется как само состояние общества, где интеллигенция занимает свое место в деле достижения благосостояния и коллективного сознания: Кастельнуово представляет образы, которые создают русские художники как новое воображаемое новой культуры, они переносят нас на фабрики, где героизм выражается в труде» [Sarlo, 2003: 127–128].

По возвращении в Аргентину, где по-прежнему существовал правый, реакционный режим, Кастельнуово оказался в фокусе внимания политической полиции. Все записи о поездке в СССР были конфискованы полицией во время обыска в его доме. Он пишет по памяти заметки о посещении СССР для газеты компартии, а затем готовит книгу [Saïtta, 2007a: 33].

²⁵ Castelnuevo E. Memorias... P. 168.

²⁶ Castelnuevo E. Yo ví...! en Rusia... P. 4.

²⁷ Miranda R. Impresiones de viaje por Rusia y Europa. Come se vive y se trabaja en la Rusia Soviética. Número especial. Santiago. Antares. 1937. P. 85.

²⁸ Castelnuevo E. Memorias... P. 167.

Коммунистическая газета *Bandera Roja* в своем первом номере 1 апреля 1932 г. начала публикацию заметок Кастельнуово о поездке в СССР. Затем в издательстве группы *Actualidad* вышла его книга «Я видел в России» (*Yo ví en Rusia*). На выход этой книги отреагировали левые журналы. Кастельнуово был видной фигурой в сфере культуры и литературы, и его труд не мог пройти незамеченным. Журнал *Ahora* из Санта-Фе отмечал, что яркое отличие этой книги об СССР от множества уже вышедших состоит во внутреннем побуждении автора. Если большая часть «отчетов» о посещении СССР обычно была наполнена цифрами статистики, а завершалась некими личными впечатлениями, то Кастельнуово интересуется иным: счастлив ли народ, который поддерживает эту новую систему жизни. И он дает положительный ответ на этот вопрос. Правда, замечает рецензент, у автора грубый народный стиль, ну так это тоже часть его презрения к буржуазной культуре. Одним словом, эта работа представлялась как нечто новое в данном жанре и была важной книгой о России²⁹.

Ставшая знаменитой, эта книга не понравилась друзьям из компартии. Кастельнуово был вынужден уйти из журнала *Actualidad*, который контролировался коммунистами. При общем комплиментарном в отношении советского общества содержании книга была охарактеризована как идеологически незрелая [Da Ré, 2019: 30]. Критика была вполне обоснована с партийной точки зрения: уже во введении, утверждая свое восхищение СССР и указывая на непонимание западными интеллектуалами русской революции, автор хотя и пишет, что революция была совершена не для этих интеллигентов, а для российских народных масс, допускает «дискредитирующие» коммунистов обороты. В частности, в форме юмористической заметки он приводит свою беседу с неким советским собеседником: на вопрос, где находятся противники советской власти и коммунизма, он получил ответ: на кладбище³⁰. Или такие замечания, что революция дала всё, кроме мыла, вот его не хватает³¹. С большой иронией он описывал митинги, в которых ему приходилось участвовать, полные юмора сцены общения с местными активистами³². Были в книге и совсем фантазмагорические сюжеты, как, например, дискуссия о крематориях в советских мегаполисах, что Кастельнуово описал с излишней фантазией как «индустриализацию смерти», а безумные мнения, которые он слышал о необходимости использования кожи или жира трупов в народном хозяйстве, представлялись как государственная политика. Причем он отнюдь не был шокирован этим, а видел в этом рационализацию и материализм жизни, разрыв

²⁹ Molina F. El libro de Castelnuevo. *Ahora!* №1. 30 de septiembre de 1932. P. 3–4.

³⁰ Castelnuevo E. *Yo ví...! en Rusia...* P. 6.

³¹ *Ibid.* P. 32.

³² *Ibid.* P. 86–87.

с буржуазной псевдоморалью, которую отвергал и сам. Там же с юмором замечал, какая жалость, что ни Маркс, ни Ленин не оставили своего мнения о кремации³³.

Кастельнуово, помимо всех достижений советской власти, восторгов от культурных и экономических свершений, не мог обойти молчанием то, с чем решительно не желал согласиться как бывший анархист: единство идеологии, однообразие мысли, отсутствие свободы и политического выбора. Он отмечал: «Все в России, кто говорит, мыслит или что-то делает, сегодня должны делать ссылку на высказывания или мысли Маркса или Ленина, Бухарина или Радека. Линия партии может обсуждаться, но не нарушаться»³⁴. Такие заявления Коммунистическая партия Аргентины рассматривала как мелкобуржуазные.

Автор внял критике компартии, и в 1933 г. появился новый вариант книги о его поездке в СССР: «*Rusia soviética. Impresiones de un viaje a través de la tierra de los trabajadores*», в которой исчезли все ироничные и критические замечания и сюжеты. В 1934 г. прощенный «блудный сын» возвращается в журнал *Actualidad* [Saítta, 2007b: 92]. Вскоре его пути с коммунистами разошлись. Кастельнуово остался левым писателем и поклонником российской-советской культуры, но в аргентинском политическом поле предпочел новое движение — перонизм.

* * *

Поездка в СССР выдающегося аргентинского мыслителя-марксиста неортодоксального направления Анибаля Понсе (Aníbal Norberto Ponce, 1898–1938), ставившего в основу своего мировоззрения гуманизм (Понсе был в большей степени увлечен марксизмом Рязанова, нежели советским [сталинским] официозом), но политически связанного с компартией и Коминтерном, была запечатлена в небольших очерках. Суть его подхода ко всему, что он писал о Советском Союзе и социализме, несмотря на все противоречия, которые он находил, в том числе и репрессии, состояла в убеждении, что на данном историческом этапе необходима безусловная защита советского социализма [Visacovsky, 2017: 55]. Аргентинский историк Оскар Теран писал, что поездка Понсе в СССР в 1935 г. была лишь подтверждением его прежних взглядов и приверженности коммунизму. Он услышал в массах «благодатные ритмы гимнов победителей» [Terán, 1983: 29–30]. Понсе называл СССР землей «человека будущего», где, по его словам, его душа была преображена. Он ощущал в СССР состояние человека, «который живет в ином мире, вдыхает иной воздух, ходит по иной земле» [Wanschelbaum, 2015: 219].

³³ Castelnuevo E. Yo ví...! en Rusia... P. 102–104.

³⁴ Ibid. P. 105.

Главное описание у Понсе, окрашенное личными впечатлениями, как и у почти всех других путешественников, — это пересечение границы СССР. Однако это не описание страха от сцены проверки и почти инквизиторского допроса, а возбуждение духа и волнения от осознания личного присутствия на земле осуществлённой утопии, где впервые в истории нет более частной собственности [Ponce, 2007: 126].

Особое место в этих заметках занимает восторг от культурной сферы. Он посетил спектакль «Мертвые души» и был захвачен не столько театральным действием, сколько составом и поведением публики. Нигде в мире, утверждал Понсе, вы не найдете театр, который всем представляется элитарным, полный простых людей, трудящихся, искренне и внимательно воспринимавших высокохудожественный спектакль. По его словам, СССР был образцом привнесения высокой культуры и науки в массы, поднятия культурного уровня народа, не говоря уже о процессе ликвидации неграмотности. Нет фабрики или завода, где не работали бы кружки музыки, танца, театра. Искусство стало частью жизни, оно выводит человека из состояния мелкого винтика производства, он перестает быть бездушной машиной. Понсе писал: «Наука, меняя мир, меняет человека, искусство показывает, как понимать человеку самого себя» [Ponce, 2007: 132].

Главное достижение советской системы не столько успехи экономики, считал Понсе, сколько изменения в обществе, ставшем коллективистским. Он писал: «Новая Россия является одним единым заводом, где все работают, увеличивая общее богатство. Оно теперь общее, труд становится всё более и более легким» [Ponce, 2007: 131].

Понсе не описывает свои впечатления, не говорит о частных случаях, которые видит и анализирует, а констатирует соответствие модели, которую реализовывали в СССР, своим теоретическим представлениям о правильном и справедливом обществе, о превращении утопии в реальность. Своим опытом поездки в СССР он подтверждал верность своих собственных убеждений [Saïtta, 2007a: 18].

Большой театр. 1928 г.

* * *

Хору восторгов и признания достижений СССР противостояли критические очерки побывавших в Советской России интеллектуалов, вполне прогрессивных, но не коммунистических взглядов. Такого рода труды

публиковались не так редко, но в основном это были переводные книги, а вот аргентинской была книга Вирхилио Тедески «Три недели в России. Впечатления путешественника» (1935).

Тедески был профессором Университета Ла-Платы, говорил по-русски, а поехал в Россию по приглашению Всемирного физиологического конгресса, который организовал Институт Павлова в Ленинграде. Его книга, помимо описания путешествия, содержала обширное приложение о советской системе просвещения и переводы школьных программ, так как это было одной из просьб ректора Университета Буэнос-Айреса перед поездкой.

Тедески был человеком прогрессивных взглядов. Тот факт, что предисловие к его очеркам написал социалист Альфредо Паласьос³⁵, говорил сам за себя. Тем не менее, что бы он ни говорил о нейтральности и непредвзятости, в его работе заметно желание противопоставить общему позитивному впечатлению, которое, возможно, должно было сложиться в результате подготовленных посещений и влияния переводчиков-сопровождающих, ощущения, порожденные отдельными случаями и явлениями и не входившие в намерения принимающей стороны.

В его описаниях преобладают два мотива: всеобщая бедность, отсутствие материального благополучия хотя бы в отдельных группах населения, а также то, что он называл «мертвые города»³⁶. Первое было понятно: отсутствие элегантной и преуспевающей публики на улицах города и среди тех, с кем он общался, определенным образом свидетельствовало о социальной ситуации в стране, где преобладала тенденция к выравниванию доходов. Второе обстоятельство (он называл Ленинград, Одессу и другие города «мёртвыми») объясняется отсутствием бурной торговой и развлекательной жизни, обилия торговых и ресторанных заведений, которыми отличались западные города, полные рекламы и внешних признаков потребления.

Очерки Тедески в целом вполне объективны. Однако есть сюжеты, вызывающие недоумение. Его заявления, что Невский проспект уродлив, что на нем нет ни одного достойного внимания здания, а в Одессе вовсе нет ничего, на что можно обратить свой взор, претендуют на некоторую экстравагантность. Кроме того, многие свидетельства нужды простых людей были для него обвинением большевиков в их якобы лицемерии в отношении заботы о народе³⁷. Правда, большой похвалы удостоились музеи, а посещение московского метро вынудило его признать его размах и красоту³⁸. Не мог он не оценить и грандиозности Днепротэса³⁹.

³⁵ Альфредо Лоресно Паласьос (Alfredo Lorenzo Palacios, 1880–1965) – аргентинский политический и общественный деятель, писатель, дипломат, один из первых депутатов-социалистов в Латинской Америке, избранных в Конгресс своей страны. – *Примеч. ред.*

³⁶ Tedeschi V. Tres Semanas en Rusia. Impresiones de un viajero. Buenos Aires. Anaconda. 1936. P. 18, 67, 83.

³⁷ Tedeschi V. Tres Semanas en Rusia... P. 23–24.

³⁸ Ibid. P. 42.

³⁹ Ibid. P. 53–54.

Оценки Тедески научных учреждений, общего состояния науки в СССР, казалось бы, должны были быть вполне профессиональными. И отчасти это так и было. Он признавал, что большевики, несмотря на всеобщую нужду, тратят большие средства на научные исследования, что он мог подтвердить своим личным опытом. При этом он тут же оговаривался, что еще при царском режиме Россия была важным научным центром мирового значения, и тут мало что изменилось⁴⁰.

Перед отъездом из страны в Киеве (единственный город, удостоившийся его похвалы), он был приглашен на прощальный вечер, организованный ВОКС, на котором состоялось знакомство и общение с местной культурной общественностью, артистами, учеными, художниками. Тедески с тоской писал о нескончаемых речах и тостах с призывами крепить связи с СССР⁴¹. Его общий приговор советскому режиму состоял в том, что вряд ли стоит жертвовать настоящим, благосостоянием ныне живущих поколений во имя блага будущих, возможно, в очень отдаленном будущем. Советский этатизм и тоталитаризм, по его мнению, не могут привести к счастью отдельного человека⁴². Последними строками его книги были слова: «Только демократия может обеспечить достоинство личности и позволить полное интеллектуальное и моральное развитие человека»⁴³.

Станция метро «Красные ворота». 1935 г.

* * *

Отношение к СССР делило интеллектуалов, политиков, активистов на два непримиримых лагеря. Одни слепо повторяли советские лозунги о самом передовом, самом справедливом и самом счастливом обществе, а другие тиражировали нелепицы и выдумки о «страшном месте на земле». В этих обстоятельствах очерки путешествующих в Страну Советов, особенно людей с репутацией, играли большую роль в создании общего образа СССР. И надо признать, что в Аргентине общая симпатия к России всегда была преобладающей в общественном мнении. Создаваемый путешественниками-аргентинцами образ *Другого* соответствовал культурным кодам

⁴⁰ Tedeschi V. Tres Semanas en Rusia... P. 88.

⁴¹ Ibid. P. 74.

⁴² Ibid. P. 84–87.

⁴³ Ibid. P. 91.

и представлениям аргентинцев о правде и справедливости, имел большее значение, чем вся массовая советская пропаганда, также проникавшая в медийную и культурную сферу этой страны. Одна интересная книжка о путешествии в Советскую Россию стоила гор пропагандистской литературы для дела сближения между культурами и народами наших стран.

Описание виденного и пережитого в общественных обстоятельствах революции или крупных, фундаментальных трансформаций предполагает изменение жизненного опыта и модели контакта с реальностью автора и главного действующего лица, «путешествующего», открывающего для себя неизведанный мир. Посещение Страны Советов было очень разным с точки зрения влияния на самого протагониста. Кто-то видел лишь подтверждение своим убеждениям, игнорируя всё не вписывающееся в рамки доктрины. Кто-то испытывал сомнения, но находился под влиянием логики и аргументов иной стороны, а кто-то переживал столь сильные впечатления, что эволюционировал к иным взглядам, как принимавшим советскую действительность, так и отрицавшим ее. В любом случае эта литература путешественников делала Россию, ее историю и культуру частью представлений латиноамериканцев об окружающем мире, а для некоторых стала основой их социальной идентичности.

Список литературы / References

Молчанов В.Ф. (1983) Советско-аргентинские научные и культурные связи (контакты ВОКС с ассоциациями друзей в Аргентине. 1925–1932), *Латинская Америка*, № 1, с. 64–73.

Molchanov V.F. (1983) Sovetsko-argentinskie nauchnye i kul'turnye svyazi (kontakty VOKS s asociaciyami druzej v Argentine. 1925–1932) [Soviet-Argentine scientific and cultural relations (contacts of VOKS with associations of friends in Argentina. 1925–1932)], *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 64–73.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. (2014) Празднование Десятилетия Октябрьской революции и развитие латиноамериканского революционного движения, *Латиноамериканский исторический альманах*, № 14, с. 266–291.

Jeifetz V.L., Jeifetz L.S. (2014) Prazdnovanie Desyatiletiya Oktyabr'skoj revolyucii i razvitie latinoamerikanskogo revolyucionnogo dvizheniya [The Celebration of the Xth anniversary of October Soviet revolution and development of the Latin American revolutionary movement], *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*, no. 14, pp. 266–291. (In Russian)

Щелчков А.А. (2025) Движение «друзей СССР» в Аргентине: Латиноамериканская политика ВОКС В 20–30-е годы XX века, *Новая и новейшая история*, № 2, 2025, с. 94–105.

Schelchov A.A. (2025) Dvizhenie «druzey SSSR» v Argentine: Latinoamerikanskaya politika VOKS v 20–30-e gody XX veka [The “Friends of the USSR” movement in Argentina: VOKS and Soviet cultural diplomacy in Latin America, 1920s–1930s], *Novaya i novejshaya istoriya*, no. 2, pp. 94–105. (In Russian)

Da Ré E.V. (2019) Las crónicas de viaje a la URSS de Elías Castelnuovo: el humor como estrategia crítica [Elias Castelnuovo's travel chronicles to the USSR: humor as a critical strategy], *Anclajes*, vol. XXIII, no. 2, pp. 21–38. DOI: 10.19137/anclajes-2019-2322 (In Spanish)

Tarcus H. (ed.) (2007) *Diccionario biográfico de la Izquierda Argentina, De los anarquistas a la "nueva izquierda" (1870-1976)* [Biographical Dictionary of the Argentine Left, From the Anarchists to the "New Left" (1870-1976)], Buenos Aires, Emecé, 776 p. (In Spanish)

Eipper J. (1995) *Elías Castelnouvo. La revolución hecha palabra. Biografía, estudio crítico y antología* [Elias Castelnouvo. The Revolution Made Word. Biography, Critical Study and Anthology], Buenos Aires, Rescate, 155 p. (In Spanish)

Monteleone J. (1998) *El relato de viaje. De Sarmiento a Umberto Eco* [The travelogue: From Sarmiento to Umberto Eco], Buenos Aires, Ateneo, 332 p. (In Spanish)

Petra A. (2017) *Intelectuales y cultura comunista: itinerario, problemas y debates en la Argentina de posguerra* [Intellectuals and communist culture: itinerary, problems and debates in postwar Argentina], Buenos Aires, Fondo de Cultura Económica, 441 p. (In Spanish)

Ponce A. (2007) *Visita al hombre futuro* [Visit to the man of the future], in Saïtta S. (ed.) *Hacia la revolución. Viajeros argentinos de izquierda* [Towards revolution. Left-wing Argentine traveler], Buenos Aires, Fondo de Cultura Económica, pp. 125–142. (In Spanish)

Pratt M.L. (2010) *Ojos imperiales. Literatura de viajes y transculturación* [Imperial Eyes: Travel Literature and Transculturation], México, Fondo de Cultura Económica, 471 p. (In Spanish)

Tarcus H. (ed.) (2017) *Primeros viajeros al País de los Soviets: Crónicas porteñas 1920-1934* [First travelers to the Land of the Soviets: Buenos Aires chronicles 1920-1934], Buenos Aires, Ministerio de Cultura del Gobierno de la Ciudad Autónoma de Buenos Aires, 168 p. (In Spanish)

Rudnitzky L. (2007) *Rusia: la verdad de la situación actual del Soviet* [Russia: The truth about the current situation of the Soviet Union], in Saïtta S. (ed.) *Hacia la revolución. Viajeros argentinos de izquierda* [Towards revolution. Left-wing Argentine traveler], Buenos Aires, Fondo de Cultura Económica, pp. 54–77. (In Spanish)

Saïtta S. (ed.) (2007a) *Hacia la revolución. Viajeros argentinos de izquierda* [Towards revolution. Left-wing Argentine travelers], Buenos Aires, Fondo de Cultura Económica, 347 p. (In Spanish)

Saïtta S. (2007b) *Intelectuales argentinos en la Unión Soviética* [Argentine intellectuals in the Soviet Union], in Adamovsky E., Baña M., Fontana P. (eds.) *Octubre rojo. La revolución rusa, noventa años después* [Red October: The Russian Revolution, Ninety Years Later], Buenos Aires, Libros de Rojas, pp. 79–94. (In Spanish)

Sarlo B. (2003) *Una modernidad periférica: Buenos Aires 1920–1930* [A peripheral modernity: Buenos Aires 1920–1930], Buenos Aires, Nueva Visión, 248 p. (In Spanish)

Terán O. (1983) *Aníbal Ponce ¿el marxismo sin nación?* [Aníbal Ponce: Marxism without a nation?], México, Pasado y Presente, 251 p. (In Spanish)

Ugarte M. (1978) *La nación latinoamericana* [The Latin American nation], Caracas, Biblioteca de Ayacucho, 446 p. (In Spanish)

Ugarte M. (2010) *La patria Grande* [The Greater Homeland], Buenos Aires, Capital Intelectual, 192 p. (In Spanish)

Visacovsky N. (2019) *Entre odas a Sarmiento y la fe bolchevique: Aníbal Ponce y sus marcas en la cultura comunista* [Between odes to Sarmiento and the Bolshevik faith: Aníbal Ponce and his mark on communist culture], *Claves. Revista de Historia*, vol. 3, no. 5, pp. 37–70. DOI: 10.25032/crh.v3i5.151 (In Spanish)

Wanschelbaum C. (2015) *Educación y lucha de clases* [Education and class struggle], *Perfiles Educativos*, vol. XXXVII, no. 149, pp. 219–228. (In Spanish)